

Даже за Дверью едва ли можно было найти нескольких Призраков, столь же безумных, как Художник. Он разительно отличался от всех других Монстров, и его никак нельзя было судить, используя общепринятые мерки вроде «добра» и «зла». Никто из окружающих не мог сказать, о чём он думал, и уж точно никто не мог предугадать, что он сделает дальше, но одно было ясно наверняка - этот Красный Призрак был ужасающе страшным. Такой как он не остановится ни перед чем, лишь бы достичь своей цели. Его не заботило, что подумают о нём другие люди, и он не был связан человеческими рамками морали. У него для всего на свете существовали свои собственные правила. Такой человек являлся очень опасным противником, и Монстр в тумане прекрасно понимал это.

Дуновение резкого ветра пронеслось по Школе, донося до каждого её уголка эхо криков сражающихся. Ни Художник, ни Зло сдаваться не собирались.

Зло сделал выпад вперёд и укусил Художника за руку. При этом его собственный живот начал вздуваться, как пузырь. На лице Зла проступили новые кровеносные сосуды, и всё его тело покрылось неровными буграми. Художник тоже выглядел в этот момент не слишком эстетично. Только что он использовал своё тело в качестве проводника, чтобы заполнить ненасытный рот Зла проклятиями из центра сбора мусора. Его целью было одновременно заставить Зло лопнуть от избытка тёмной энергии, и очистить Школу от мусора. Так он убьёт двух зайцев одним выстрелом.

Идея, как таковая, была неплоха, проблема заключалась лишь в том, что он сам должен был выступить в роли посредника. Сначала ему нужно было впустить Грехи в собственное тело, и только потом, он сможет обрушить их в пасть Зла. По сути это была битва их силы воли. Первый из них двоих, кто не выдержит, проиграет и встретит наихудший из концов.

На лице Художника появились чёрные капилляры, они ползали по нему, точно маленькие ядовитые змейки, пульсируя так, будто могли лопнуть в любой момент. Но даже будучи в таком незавидном состоянии Художник всё ещё мог говорить. Он обратился к Лидеру пришедших.

- Все грязные твари из Красного Города такие же, как ты?

Повелитель тумана знал, что из-за густой завесы Художнику будет трудно его рассмотреть. Но даже так, он всё ещё не спешил с ответом. Было очевидно, насколько он боится силы Художника.

Выражение лица Художника было пугающим:

- Ты можешь только прятаться за завесой тумана. У тебя даже не хватает смелости, чтобы встретиться со мной лицом к лицу!

- Ха. Что-то ты стал уж больно болтливым! Это значит, что ты становишься слабее.

Человеку в тумане, по большому счёту, было безразлично мнение Художника о нём. Он сосредоточил всё своё внимание на контроле красного тумана, который окутывал его, как защитная оболочка.

- Мне нужна только лишь эта Дверь...

- Тебе никогда не отыскать Дверь. Даже если бы она прямо сейчас возникла перед твоим носом, ты бы всё ещё не смог её разглядеть.

Художник, казалось, высказал эту мысль лишь для того, чтобы она помогла ему, как можно дольше оставаться в сознании. Его лицо исказилось от колоссального напряжения. В этот момент он был страшнее любого из Монстров, которых когда-либо рисовал на своих полотнах. Бесконечные потоки Греха и негативных эмоций проходили сквозь его тело. Сейчас он претерпевал одновременно боль каждого из учеников, чьи эмоции проходили через него.

Сердце - чрезвычайно ранимая вещь. Её могут ранить чьи-то грубые слова или какое-то малозначительное событие. Но так или иначе, вся переживаемая боль будет настоящей.

И теперь подобная боль нескончаемым потоком атаковала душу Художника. Каждое из чужих болезненных воспоминаний вонзалось в его сердце, подобно игле. Физически, вполне возможно было принимать раны с улыбкой, но с течением времени эти раны становились лишь глубже, заставляя его истекать чёрной кровью.

Извлекать подобные болезненные иглы из детских душ было вовсе нетрудно, но даже в этом случае на месте душевных ран навсегда оставались глубокие незаживающие шрамы. Чем глубже была боль, испытываемая ребёнком, чьи эмоции Художник впитал в себя, тем глубже были его собственные раны. Художник не мог излечить от ран сердца всех учеников, он мог лишь удалить иглы болезненных эмоций, а затем стереть все воспоминания, связанные с ними.

«Если они просто прекратят вспоминать об этом, их страдания прекратятся».

Это был способ Художника помогать ученикам Школы Загробной Жизни в своих кампусах. Он оставлял им только хорошие воспоминания и забирал с собой болезненные иглы эмоций, которые олицетворяли всю их боль, отправляя их в центр сбора мусора. Чем сильнее была боль ученика, тем глубже в центре сбора мусора были погребены его воспоминания. Но эти «иглы» не исчезнут бесследно, даже после того, как их владелец полностью забудет о них. Ведь они были частью его воспоминаний о жизни. Прошлая жизнь студентов Школы Загробной Жизни всегда была наполнена лишь болью и печалью. До этого момента Художник не имел реальной возможности как-то утилизировать весь тот «мусор», что он скопил за годы жизни здесь. Но теперь, с появлением такого противника как Зло, ситуация в корне изменилась.

- Я явно где-то допустил ошибку... Но дело вовсе не в том, что в раю не бывает греха, ведь за солнцем всегда следует тень. Так, может быть, мне просто стоит построить свой рай во мраке? - бормотал себе под нос Художник. Разговоры с самим собой отвлекали его от боли, помогая ему не свихнуться от переживаемых чужих негативных эмоций.

Он уже практически был на грани срыва.

Когда доктор Гао взял на себя весь Грех трехзвёздочного сценария, он тоже был близок к тому, чтобы сломаться, даже не смотря на то, что был одним из сильнейших Красных Призраков. Художник же имел дело с Грехами четырёхзвёздочного сценария. И потому ему было ой как непросто сейчас. Это была битва убеждений. Оба оппонента держались за свою веру из последних сил.

Художник мог беспрепятственно потреблять негативные эмоции в огромных количествах, но ему нужно было время, чтобы их обработать. Он никогда раньше не испытывал ничего подобного. Отчасти это было, конечно, связано с тем, что до него никто не додумался потратить несколько лет напряжённой работы на сбор Грехов в четырёхзвёздочном сценарии.

Аппетит Зла был воистину огромен, но даже он не смог бы без вреда для себя поглотить Грехи целой Школы.

Монстры из Красного Города явно недооценили Школу Загробной Жизни. Несмотря на то, что там не было никого сильнее Красных Призраков, этот сценарий всё-таки был оценен чёрным телефоном на четыре звезды!

Грех продолжил вливаться в тело Зла, подобно нескончаемому черному водопаду. Время как единица измерения теряло всякий смысл в Мире за Дверью. Так что никто не знал, сколько именно прошло минут или часов, в течение которых тело Зла продолжало расти. Его кабанья маска раздулась до невероятных размеров, а тело выросло в несколько раз по сравнению с первоначальным состоянием.

«Наличие огромного рта ещё не гарантирует сопернику победы. Если кто-то хочет добиться свободы, он должен быть готов за неё сражаться. Я накачаю его до предела, заставив лопнуть, и тогда победа в этой битве будет за мной».

Художник хорошо знал, что он собирал годами в центре сбора мусора - это была самая тёмная и неприглядная сторона Школы.

Давление, под которым находился в этот момент несчастный Зло, было намного больше, чем то, с которым приходилось справляться самому Художнику, и у Зла при этом совсем не было времени на передышку.

Прежде чем Зло смог хоть как-то усвоить поступающий к нему в огромных количествах Грех, злые духи уже добрались до его горла, начав душить его изнутри.

Зрачки под маской кабана тревожно заметались, и из его горла вырвался ужасный харкающий звук, как будто у любителя рыбы в горле застряла большая острая рыбья кость.

Лидер Монстров из Красного Города тут же заподозрил нечто неладное. Ему нужно было срочно что-то предпринять, чтобы помочь Злу выиграть немного времени.

- Ты - настоящая аномалия для Мира за Дверью, - Монстр, наконец-таки, решился сделать свой ход. Кровавый туман вокруг него завертелся, как торнадо.

- Позволь мне продемонстрировать тебе, как глупо было надеяться построить рай за Дверью!

Как только мужчина сделал свой ход, Художник молниеносно среагировал. Одна из гигантских рук позади него потянулась к зданию общежития, где проживал Линь Сиси. Спустя мгновение с обратной стороны зеркального осколка появился сам Линь Сиси, как будто он уже заранее знал, что когда-нибудь этот момент настанет.

Он обернулся, чтобы последний раз взглянуть на своё старое общежитие - место, к которому он был привязан даже после смерти, прежде чем быстро пойти прочь. Спустя всего мгновение его рука уже прошла сквозь зеркальную стену, и вторая Опора Зеркального Мира была разрушена.

Осколки Зеркала, сотканые из мыслей и воспоминаний Линь Сиси, разбились и опали на землю Школы. В каждом из них по-прежнему можно было разглядеть отражение Художника. Его тело было сплошь изрезано и истерзано, а руки, тянувшиеся из нанесённых осколками ран, были окрашены в чёрный цвет. Эти бесчисленные руки спокойно покачивались вдоль его тела, ожидая своего часа.

- Каждое зеркало в этой Школе является продолжением моих глаз. Если я увижу тебя, то отниму у тебя всё! - сказал Художник чужаку.

Художник никого не боялся. Его безумие было способно превзойти любые ожидания.

Его многочисленные руки схватили Зло и хищно вонзились в его тело. Художник не стал сражаться с человеком в тумане, вместо этого решив для начала сосредоточиться на том, чтобы поместить весь Грех Школы в тело Зла. Чёрный водопад Грехов взревел, и, спустя пару мгновений, когда тело Зла разросло до своих крайних пределов, оно оглушительно взорвалось!

Из его лопнувшего тела выползло множество злых духов, и в мгновение ока вся Школа была охвачена сильными негативными эмоциями. Под их давлением Художник, залитый с ног до головы чёрной кровью, отбросил в сторону труп Зла.

- Я погубил Добро и одолел Зло, теперь ты остался один. Давай, я нарисую что-нибудь и для тебя!

<http://tl.rulate.ru/book/18947/2746727>